

Скани.

Василий Новиков

ПИСАТЕЛЬ ЗАВЕРШИЛ РОМАН...

Анатолий ИВАНОВ.— ВЕЧНЫЙ ЗОВ. Роман. Книга вторая.— «Москва», 1976, №№ 7—10.

Первая книга романа Анатолия Иванова «Вечный зов» хорошо известна читателям. Первоначально опубликованная в журнале «Москва» в 1970 году, она вышла в свет отдельным изданием в 1971 году («Советский писатель»). За это произведение писатель был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Как и романы А. Иванова «Повитель», «Тени исчезают в полдень», первая часть романа «Вечный зов» вызвала широкий отклик в печати, была высоко оценена критикой. Общее признание получил драматический талант писателя, его умение создавать сложные, крутые характеры своих героев, раскрывать их судьбы в переплетах острейших противоречий, трагических конфликтов. В «Вечном зове» автор дал широкие картины социальных сдвигов, происшедших в нашей стране.

Мне хотелось бы вспомнить здесь некоторые из отзывов критики. Так, Л. Якименко писал: «По своему построению роман А. Иванова явно ориентирован на традицию русского романа с его правдоискательством, с его интересом к человеческой и народной судьбе, с «вольным» течением жизни. К примеру, плодотворную учую Шолохова можно усмотреть в том, с какой настойчивостью писатель стремится определить воздействие исторической действительности на человеческие судьбы, в том, что он, подобно Шолохову, не боится ставить в центр романа историю семьи, наконец, в мужественном изображении сложных, запутанных судеб».

Одновременно критика — тактично, с заботой о путях развития таланта — указывала на некоторые недочеты и недостатки романа «Вечный зов». Особое внимание обращалось на то, что в некоторых местах роману явно не хватает философской глубины, что объяснение острейших конфлик-

тов жизни дается иногда в абстрактном плане. Об этом писал я, писали и другие критики, в частности тот же Л. Якименко. Он заметил: «А. Иванов уверенно чувствует себя в стихии сильных страстей, прямых столкновений. В своем романе он ставит сложнейшие проблемы общественного и социального бытия. Но, стремясь до конца обнажить человека, определить «корни», писатель временами слишком все договаривает, упрощая при этом и характеры и ситуации».

Меня, например, смущало, что автор в отдельных ситуациях особо выделял силу биологических инстинктов, наследственных черт, и тогда в мотивах действий героев начинало доминировать нечто «нутряное», «извечное», неистребимое (такой отпечаток лежал на фигуре Федора Савельева).

И вот роман завершен. Вторая его книга оказалась еще большей по объему. В обеих книгах выведено весьма большое число героев, изображены самые разные сферы жизни, самые разные отрезки времени.

В целом (я в этом убежден) создано интересное, значительное произведение. В нем поставлены проблемы, которые характерны для гуманистических исканий нашей литературы. Но одновременно это произведение, в котором имеются и свои недостатки, просчеты. Чуткому к бурным коллизиям нашей эпохи художнику не всегда удается осмыслить их и показать с объективной полнотой. Иногда автор произвольно нарушает идейно-художественную логику произведения. Однако правда истории, к которой стремится художник, гуманистический пафос определяют главное в «Вечном зове». Роман передает широкое и многоводное течение жизни, с ее противоречиями и сложными судьбами людей.

В романе «Вечный зов», если его брать как завершенное целое, воссоздается, осмысливается путь советского народа, битва за со-

циализм на ее поворотных этапах (Октябрьская революция и гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, послевоенный период). По мере развития сюжета судьбы людей, их взаимоотношения все теснее соединяются с историческими событиями, а именно это характерно для искусства социалистического реализма. Образы героев в лучших главах романа становятся как бы сгустком истории, воплощают в себе суть крупных явлений прошлого, настоящего и будущего.

Многоплановый, многофигурный роман населен людьми со сложными судьбами, крутыми характерами. Умение создать сильный, крутой характер, раскрыть мотивы поведения человека — отличительная черта А. Иванова как писателя. Остро поставлены в романе нравственные проблемы, вопросы смысла жизни и ответственности человека перед Временем и перед Советью. Положительные герои автора овеяны пафосом героизма. Движение истории с пульсирующей силой ощущается в подвигах, думах, чувствах, мыслях сильных духом людей, начиная от Антона Савельева — большевика с дореволюционным стажем, директора крупнейшего завода; Ивана Субботина — секретаря обкома партии, и вплоть до Панкрата Назарова — председателя колхоза; Поликарпа Кружилина — секретаря райкома; Анны Савельевой и ее сына Семена, совершившего героический подвиг на фронте.

Вторая книга романа «Вечный зов» наследует то лучшее, что являлось там двигателем действия. Автор внедряется в сложнейший мир переживаний героев, стремится постичь «бездонное море души человеческой». При этом он не упускает из виду общей перспективы исторического развития. Острейшие сюжетные коллизии Великой Отечественной войны и послевоенного периода подчинены в романе А. Иванова раскрытию неиссякаемой силы — социальной и нравственной — советского народа, способного во имя великой идеи преодолеть любые препятствия.

Все это придает повествованию внутреннюю силу. В романе А. Иванова kloкочут бурные события эпохи. Некоторые картины, как лава, вырвавшаяся из вулкана, обжигают читателя огнем социальных страстей и противоречий, нравственных потрясений. Писатель не всегда еще может справиться с этой лавиной, орга-

низовать ее в гармоническое целое—об этом я особо скажу в конце статьи. Но в главном роман передает поступательное развитие нашего общества, показывает созидательную, гуманную силу социализма.

Реализм А. Иванова суров. Писатель не скрывает теневых сторон жизни. Его влечет «людская круговерть», поступки, совершенные на грани человеческих возможностей. В острейших драматических ситуациях герой обычно до конца раскрывает перед нами свою сущность. Это позволяет писателю показать, что битва между силами добра и зла на земле идет не на жизнь, а на смерть. Что побеждает? Человечность! Эта общая идея пронизывает все произведение А. Иванова.

Сюжет романа строится на изображении разных сторон действительности; тыл (жизнь в Шантарах и Михайловке), фронт (подвиг Семена и Ивана Савельевых, Кошкина, Алейникова, принимавших участие в битве на Курской дуге), жизнь военнопленных в Бухенвальде. Я написал эти последние слова и сам ужаснулся сочетанию — «жизнь... в Бухенвальде». Это была не жизнь, это был ад. Анатолий Иванов со всей трагической силой показывает страдания советских военнопленных, терпящих на себе изуверство фашистов. Но одновременно он показывает, что и здесь, в аду Бухенвальда, в поведении сильных духом советских людей торжествовала человечность. В Бухенвальде действовали подпольные партийные организации. Москвич Валентин Губарев (кандидат философских наук, специалист по Гете), идя на смертельный риск, спасает жизнь Василию Кружилину. За это надзиратель Айзель, бывший уголовник, догадавшись о взаимной вырубке, существующей среди русских, посылает Губарева на смерть, инсценируя «побег» на забаву фашистским охранникам. Самоотверженностью отмечено поведение майора медицинской службы Паровозникова: сам он гибнет в бою, принимая участие в восстании военнопленных в Бухенвальде...

За судьбой героев в романе Иванова встает история. Выразителен образ бабки Акулины, у которой живет Наташа Миронова, жена Семена Савельева. Она «каторжанка»: когда-то убила, пригвоздила вилами к стене омшаника насильника, сына ярославского помещика Зубова. С каторги она совершила несколько побегов. В одном из них зимой спаса

жизнь Ивану Субботину, а затем ее саму спас таежник Филат Филатович Козодоев. Мы видим, как и здесь торжествовала человечность.

Поведение личности в наиболее убедительных линиях романа А. Иванова мотивировано обстоятельствами. Поэтому психологизм, раскрытие тайников души, инстинктивного в поведении людей получают рельефную социальную окраску. Так, вполне закономерным представляется, что в году трагических испытаний, выпавших на долю Родины на первом этапе Великой Отечественной войны, властный себялюб и собственник Федор Савельев, спасая свою шкуру, переходит на сторону немцев, становится полицаем, служит в личной охране гестаповца Лакновского. А Иван Савельев сражается за Родину, совершает вместе со своим племянником Семеном подвиг. Он не сгибается под тяжестью испытаний. Наоборот, в его поведении проявляются душевное богатство и высокое понимание долга советским человеком.

Следует особо подчеркнуть, что понимание долга, осознание исторической необходимости жертвовать всем во имя великой цели—социально-нравственная проблема, проходящая через весь роман А. Иванова. Она варьируется, проявляется в разных ситуациях, самых разных судьбах людей. В судьбе секретаря райкома партии Поликарпа Кружилина она предстает как выражение высоты партийной сознательности, принципиальности и человеческой честности, порядочности. Такой же смысл имеют самоотверженность секретаря обкома Субботина, активная работа парторга ЦК на заводе Савчука, директора завода Нечаева, председателя колхоза Панкрата Назарова и других. В судьбе Якова Алейникова понимание долга приобретает трагический оттенок. В течение многих лет Алейников мучается тем, что совершил ошибку (в этом он убеждается при встрече на фронте с Кошкиным), выступив против ни в чем не повинных людей. При изображении Наташи Мироновой, на всю жизнь оставшейся верной своему погибшему мужу, Семену Савельеву, а также при характеристике представителей младшего поколения — Владимира Савельева (сына Ивана), Димки и Андрея Савельевых (детей Федора), Ганки, в которую влюблен Димка, — проблема долга и осознанного поведения приобретает острую нравственно-психологиче-

скую окраску. Роман А. Иванова по звучанию своему современен, актуален: в образах положительных героев писатель раскрывает истоки духовного величия человека, воплощающего в себе характерные черты советского народа.

К острому драматизму стремится А. Иванов, рисуя батальные сцены.

В основе батальных сцен романа — три эпизода, происшедшие во время битвы на Курской дуге летом 1943 года: подвиг танкового экипажа во время битвы под Ольховкой, бой за высоту № 162,4, прикрывающей с севера деревню Жерехово, и уничтожение партизанами шостоковской «Абвергруппы» в тылу немцев. Сама битва на Курской дуге не показана. Автор сосредоточен не на описании обстановки на фронте, а на раскрытии перипетий боя, поведения человека. Подвиг экипажа танка «КВ» во время сражения за Ольховку — это своего рода громокипящая точка великой битвы, где скрещиваются и проявляются многие линии, характеризующие войну. Эпизод вбирает в себя характерные особенности великого события и дает реальное, осязаемое представление, какой ожесточенной была битва под Курском, когда Гитлер поставил на карту все силы и хотел переломить ход войны. Не вошел ли в поведении Ивана и Семена Савельевых, командира экипажа Дедюхина, командира орудия Алифанова (они уничтожили в бою двенадцать фашистских танков) явственно видятся истоки героизма советских воинов, истоки, приведшие к победе советского народа над фашизмом. Экипаж этот состоит из сибирияков, каждый из которых своеобразен, особенно Дедюхин — эта фигура у А. Иванова выполнена весьма пластично.

История Ольги Королевой, взорвавшей гранатой фашиста насильников (и потерявшей при этом свою мать), вливается в сюжет как одна из жизненных линий, характеризующих трагические обстоятельства войны. А. Иванову удается показать неукротимый характер героини. Хотя надо сказать, что в раскрытии движения чувства Ольги к Семену автор теряет меру поэтичности...

Свершение подвига на грани человеческих возможностей — вот что умеет показывать А. Иванов как проявление силы воли, высоты духа советского человека.

С отчетливостью читатель видит, как складывается бой под Жереховом, как героически вели себя Магомедов (командир само-

ходного орудия), Иван и Семен в критические моменты сражения. Мужественно и достоверно показана в романе история Кошкина — командира штрафной роты, его встреча с Алейниковым. Умение писателя в одном эпизоде (например, участие штрафной роты в битве за Жерехово) показать пересечение многих житейских линий, человеческих судеб придает образам и событиям, нарисованным в романе, художественную значимость. В единичном, особенно проявляется общее, характерное. Сюжетное событие несет в себе исторически важную идею. Так, смерть Кошкина, вместе со штрафниками участвующего в «огненной купели», в атаке через непроходимые болота в тыл врага, заставляет думать о высоком понимании долга человеком, беспредельно преданным идеалам партии. Кошкин умирает на руках Алейникова. Однополчане по партизанскому отряду времен гражданской войны, они оказываются близки друг другу, несмотря на то, что Алейников допустил несправедливость к своему товарищу, не поверил ему, а поверил наветам. Более того, Кошкин в чем-то мудрее и сильнее Алейникова.

История уничтожения партизанами «Абвергруппы» обрисована особенно обстоятельно, она составляет большую часть пятой части романа, озаглавленной «Смерть и бессмертие». Здесь проявилось стремление автора возвести характеры героев на высшую ступень обобщения социальных явлений, превратить их в художественные типы. Я считаю, что в лице Якова Алейникова писателю удалось создать тип, в котором воплощены характерные черты чекиста-партийца. На другом полюсе А. Иванов столь же обобщенно пытается нарисовать фигуру Лахновского — томского следователя царской охраны, затем троцкиста, агента немецкой разведки, командира «Освободительной народной армии», призванной бороться с партизанами.

Должен сказать, что я считаю образ Лахновского неудачным, ряд ситуаций, в которых он действует, надуманными. Ниже я подробно скажу об этом. Но сейчас необходимо отметить то, что удалось автору. Сильными эпизодами в романе являются картины, показывающие действия Алейникова по захвату шостоковской «Абвергруппы». По заданию командования Алейников переходит фронт и соединяется с партизанами (с Алейниковым вместе идет Иван Савельев, хотя и знает, что

его родной брат Федор служит у Лахновского). Сюжетное событие — уничтожение шостоковской «Абвергруппы» — воплощает в себе столкновение противоречий, имеющих острый социальный и исторический характер. Мы видим: Алейников, одержавший вместе с партизанами победу над «Абвергруппой», фактически вершит суд истории. Острейший момент здесь — рассказ о том, как Иван Савельев захватывает в бою брата Федора. Иван охвачен гневом и презрением к предателю, он не выдерживает напряжения и убивает Федора. Драматический характер событий в этой части романа ярко передает накал социальных страстей.

Изображение героизма советского человека, проявленного на фронте, в романе А. Иванова сочетается, как я уже говорил, с изображением героизма тыла. Здесь писателю удалось раскрыть главное — преодоление народом трудностей. Анализируя роман А. Иванова, мы вправе говорить, что в нашей литературе прозвучало еще одно правдивое слово о трудовом героизме во время войны. Жизнь в Шантарах и Михайловке летом 1943 года, зимой и весной 1944 года оказалась чрезвычайно тяжелой. Лето было засушливым, зимой народ голодал. Нечем было кормить скот. Разразилась жестокая эпидемия ящура. Секретарь райкома партии Кружилин «усох еще больше, почернел... как чугунная доска, к вечеру его шатало...». «Горькое ходило по земле...» Но все выдержал народ и победил.

Строгая эпичность в изображении народного подвига сливается в романе А. Иванова с лирикой: ведь писателю говорит о душевном богатстве советских людей. Лиричность во многом связана с изображением молодежи, раскрытием нравственной чистоты нового поколения, продолжающего славные традиции отцов...

И тем не менее, несмотря на достоинства второй книги романа А. Иванова, в нем есть существенные недостатки, заметны диспропорции, чрезмерное увлечение автором одними мотивами в ущерб другим.

В отдельных местах психологические переходы героев недостаточно мотивированы. Порой самоцельно обнажаются взрывы инстинктов, биологические страсти.

Эти просчеты, как уже говорилось, были и в первой книге романа. Во второй к ним добавились новые.

Начну с очевидного факта. В на-

чале второй книги романа «Вечный зов» мы встречаем сильные страницы об оборонном заводе. Это естественно: тема завода звучала в первой книге и, конечно, должна была найти свое продолжение. А. Иванов пишет о том, как завод набирает силу, выпуская нужное для фронта вооружение, как прибывает новая большая партия рабочих, как остро встает вопрос о жилье: люди живут в землянках, надо строить бараки. Но на этом рассказ о заводе в романе прерывается и далее звучит уже только... в эпилоге.

Это досадный просчет. У писателя были большие возможности показать, как совместными усилиями рабочих и колхозников во время войны преодолевались трудности, ковалась победа. В художественном отношении роман приобрел бы большую гармоничность и масштабность.

Более крупным недостатком романа является изображение Лахновского и Полипова. Оба эти образа получились схематичными. Встреча Лахновского с Полиповым, захваченным немецким агентом Валентиком и приведенным через фронт в штаб фашистской «Освободительной армии», воспринимается как надуманная ситуация, а их беседа носит чисто иллюстративный, комментаторский характер. В ней проявилось стремление автора возвести Лахновского в тип идеолога антисоветской политики империалистических кругов. Лахновский не верит в победу Гитлера над Россией. Он говорит о будущих противоречиях между СССР и Америкой, развивает фактически теорию конвергенции идей, строит планы проникновения в духовную жизнь советского народа с целью развращения молодежи, опошления всего, особенно национального прошлого. Художник имеет право создавать гипотетические образы. Но при этом требуется особая конкретность, соответствие сюжетной функции героя и его внутренней сущности. Этого А. Иванов не соблюдает, его персонаж выступает как рупор идей сегодняшнего времени. И потому, когда Лахновский говорит летом 1943 года в Шостокове о послевоенной политике, я думаю, при всей эффектности созданной ситуации правдивость изображения оказывается нарушенной. Образ Лахновского проецируется на тридцать пять лет вперед. Персонаж не в силах выдержать такой нагрузки.

Явно неправильно, что в эпилоге образ Полипова выходит на первый план. Это противоречит как жизненной, так и художествен-

ной логике. Между основным содержанием романа, раскрывающим поступательный ход истории, и зловещей фигурой Полипова, выдвинутой в эпилоге в центр события, возникает кричащее противоречие. Опять-таки, как и в случае с Лахновским, образ Полипова не выдерживает нагрузки, которую возлагает на него автор.

В самом деле, если даже встать на точку зрения автора и судить о Полипове согласно его замыслу, то получается, что в романе действуют три различных героя, слитые в один образ. Первый: Полипов — провокатор, предавший в молодости Антона Савельева царской охранке и ставший агентом Лахновского. Второй: Полипов тридцатых годов, председатель райисполкома в Шантарах. По его навету были арестованы участники гражданской войны, сельские активисты Кошкин, Засухин, Баулин. Третий: Полипов послевоенного периода, участник Великой Отечественной войны, заменивший Поликарпа Кружилина на посту секретаря райкома.

В начале романа Полипов, сын купчихи, несет в себе черты определенной личности. Поступки его мотивированы как личными свойствами (трусостью, завистью к Антону Савельеву), так и потоком событий, особенностями классово-вой борьбы. Затем Полипов теряет характерные черты индивидуального типа. Образ его в развитии романа начинает играть схематически-функциональную роль. В 30-е годы Полипов действует по указке Лахновского, троцкиста и агента немецкой разведки. Даже женится он на дочери провокатора и предателя Свиридова. Сюжетная линия в романе нарочито «закручена»: жена Полипова связана с Лахновским и управляет действиями своего мужа, натравливая его на активистов. С помощью «закрученных» сюжетных ходов строится характеристика Полипова и во второй части романа. События достигают своего апогея, когда по заданию Лахновского Валентик похитил Полипова, работающего редактором дивизионной газеты, переправил за линию фронта. По заданию фашистов Полипов должен был совершить террористический акт в Москве. Кажется, перед нами предел человеческого падения. Образ злодея, каким нарисован Полипов, предельно ясен, уже полностью исчерпал себя.

Но в нарушение жизненной правды и художественной логики в эпилоге романа, когда автор изображает жизнь в Шантарах и Михайловке в нелегкие послевоен-

ные годы, вдруг снова на сцене появляется фигура Полипова, да еще в качестве секретаря райкома партии. Повествование ведется так, что получается: те трудности, с которыми встречался народ в послевоенные годы, те недостатки в руководстве колхозами и совхозами, с которыми партия решительно боролась, а затем и преодолела, по логике, предложенной в эпилоге «Вечного зова», происходили от людей, подобных Полипову. Никто и ничто не может противостоять его волевым действиям, вернее сказать, его своеобразию, продиктованному карьеристскими целями.

А образ Поликарпа Кружилина, ярко раскрытый в основных частях романа, в эпилоге вдруг явно тускнеет. Сцены столкновения Кружилина с Полиповым носят мелодраматический характер. Поверхностное изображение в эпилоге жизненных противоречий особенно бросается в глаза, если вспомнить, что в советской литературе уже были созданы яркие типы партийных работников как раз того периода, о котором пишет А. Иванов. Это Борзов и противостоящий ему Мартынов в «Районных буднях» В. Овечкина, Буянов и борющийся с ним Соколов в романе Н. Шундика «В стране синеокой». За конфликтами этих героев (к ним можно добавить и столкновение Лукашина с Подрезовым в «Пряслиных» Ф. Абрамова) встает бурлящая противоречиями жизнь, раскрытая в поступательном движении, в неодолимой силе положительного, подлинно партийного в поведении и делах героев. В противоположность этим произведениям сцена заседания бюро райкома партии, когда Полипов выступает с угрозой в адрес Ивана Савельева и Поликарпа Кружилина, возражающих против его «волевых» заданий колхозам, кажется искусственно обнаженной в своей тенденциозности, лишенной конкретных жизненных корней.

Если ранее Кружилин изображался крупной личностью, способной решить сложные задачи, то теперь он предстает беспомощным и униженным. На заседании райкома Полипов просто произносит над ним приговор: «Кажется, пахнет определенной, так сказать, линией...» Когда Кружилин пытается возразить (а ведь за ним авторитет опытного партийного работника), обращается к молча сидящим за столом членам бюро райкома, то Полипов даже не дает ему слова.

« — Так и не дашь мне ничего сказать? — спросил Поликарп Кру-

жилин. — Не в свое оправдание, а просто еще раз хотел бы высказать членам бюро свое мнение о тебе...»

— Мнение твое обо мне всем известно... И бюро уже закрыто... Ну, что ты стоишь... С тобой все.

Кружилин... повернулся и вышел, сгорбив спину».

У памяти свои законы. А искусство силой эмоциональных образов создает свою художественную логику в произведении. Читатель романа знает, что такой Полипов. У Кружилина тоже достаточно оснований для того, чтобы считать Полипова врагом партии. Елизавета Никандровна, жена Антона Савельева, говорила ему (да не только ему, но и секретарю обкома партии Субботину) о том, что она считает Полипова провокатором, предавшим ее мужа.

Субботин так сказал Кружилину о Полипове: «Может быть, он не такой уж мерзавец, как Елизавета Никандровна предполагает. А может быть... В океане человеческого, в недрах людских все перепутано. Ну да, может быть, ничего особенного в том и нет, что Полипов женат на дочери Свиридова. Просто так как-то и получилось. Мало ли чего не бывает. А может быть, и такое, что ниточка далеко-о тянется. И неизвестно еще, где ее кончик».

Если у Субботина и есть какие-то сомнения в отношении Полипова (хотя он ему никогда не доверял и Кружилину советует не доверять), то у читателя, повторяю, нет никаких сомнений в том, какая мерзостная личность Полипов. И не потому, что «в океане человеческого, в недрах людских все перепутано» (это, право, слишком абстрактное соображение!), а потому, что, как показано в романе А. Иванова, Полипов — предатель, и за фигурой Полипова стоит Лахновский.

Как видим, из нарочитого «закручивания» сюжета и создаются в эпилоге ложные ситуации, касающиеся первоначальных проблем в сельском хозяйстве и в общественной жизни. В эти ситуации, я, читатель, не верю. Слишком заметны те ниточки, за которые держат автор.

Автор в эпилоге нарочито расчищает для Полипова поле действия, убирая всякие препятствия. Так, образ Василия Кружилина, рельефно обрисованный в условиях бухенвальдского ада, в эпилоге, подобно образу его отца, кажется потускневшим, преднамеренно сниженным. Возвратившись в родные края, Василий Кружилин работает редактором район-

ной газеты и... слепо выполняет указания Полипова. С большой на-тугой он доходит до истины, что правы председатель колхоза Иван Савельев и отец, а не Полипов. А ведь Василий Кружилин вырос в деревне, должен знать сельское хозяйство. Кто-кто, а родной-то отец для него — авторитет. В Васи-лии есть кружилинская косточка, есть сила характера, смелость и отвага. Так почему же такой че-ловек оказался настолько слепым и безвольным рядом с Полипо-вым?

Между прочим, возникает худо-жественный парадокс. В романе А. Иванова события, удаленные от автора по времени, ушедшие в прошлое, осмысливаются и вос-производятся художественно ярче и правдивее, чем события и жиз-ненные явления, свидетелем кото-рых он был. Почему это происхо-дит? Может быть, потому, что ав-тор спешил завершить свое произ-ведение и включил в эпилог столь-ко событий и людских судеб, сколько их хватило бы на новый роман? Но есть, думаю, и объек-тивная причина. Для осмысления современности от писателя тре-буется особая прозорливость. Худо-жественное познание — актив-ный процесс. Огромна роль широ-кого философского взгляда в ос-мыслении процессов, происходя-щих на наших глазах. Об этом не-однократно говорили М. Горький, А. Фадеев. В быстротекущей жиз-ни, в круговороте современных событий художнику бывает нелег-ко заметить особенное, непрехо-дящее. Еще труднее осмыслить его в сложнейших взаимосвязях, соприкосновениях, динамике, раз-витии, прозревая в настоящем ро-стки будущего, запечатлевая борь-бу нового со старым, не впадая при этом в односторонность. Вы-сечь «из хаоса лицо человече-ское» — в этом «чудесная сила ис-кусства», по мысли А. Толстого. Субъективные впечатления худож-ника не должны уводить его от главного, характерного, а, наобо-рот, обязаны помочь ему (если он мыслит с веком наравне) запечат-леть это главное в неповторимо индивидуальной форме.

Недостатки, о которых я счи-тал своим долгом сказать, не оз-начают, что в эпилоге «Вечного зо-ва» нет сильных в идейном и хо-удожественном отношении картин. Веет свежестью, яркостью красок от ситуаций, в которых выведены представители молодого поколе-ния (образы Николая Инютина, поэтa Дмитрия Савельева, Лены и Ирины — дочерей Семена). Автор в финале эпилога показывает, что жизнь неотвратимо движется впе-

ред, положительное побеждает, и в этом закономерность нашей действительности... Сильное впе-чатление производит рассказ Ольги Королевой о гибели Якова Алейникова от рук Валентика, воз-главляющего банду бандеровцев. Как своего рода гимн несокруши-мой силе советского народа зву-чит история подвига «русского Са-велья», партизана, бежавшего из фашистского плена и наводившего страх на немецких оккупантов в Норвегии. Когда создано безвы-ходное положение, «Русский Са-вельий» взорвал врагов и себя гра-натами. Родные полагают, что этот подвиг совершил пропавший без вести Семен Савельев.

Но недостатков в эпилоге боль-ше, чем достоинств...

В целом «Вечный зов» А. Ива-нова — заметное в современной советской прозе произведение. В нем проявилось тяготение автора к масштабным формам обобще-ния. Во второй книге романа уг-

лубляется (несмотря на отмечен-ные противоречия и срывы) фило-софское понимание опыта и смыс-ла человеческой жизни, усиливает-ся эпическое начало, и при этом настойчивее звучат и лирические способы обобщения.

Так написан финал эпилога. Пи-сатель передает поэтическое вос-приятие Дмитрием окружающего мира.

Мир чувств Дмитрия светлый, переполнен радостью, предчувст-вием счастья. И окружающий его мир предстает перед ним в но-вых гранях, в новых измерениях.

«Он шел и шел бесконечными перелесками, шурша сухими опа-вшими листьями...

От желтых берез было светло на земле, и она, окрашенная этим светом, летела среди звезд куда-то во тьму, в вечность».

А. Иванов завершил большое художественное полотно. Лучшее в этом романе — залог дальней-шего движения писателя вперед.

С. Шаховский

ПАРАМЕТРЫ ВРЕМЕНИ

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ. — ЕВПРАКСИЯ. Роман. Ки-ев. «Радянський письменник», 1975. На украинском языке. — РАЗГОН. Роман. Киев. «Радянський пись-менник», 1976. На украинском языке.

За последнее десятиле-тие Павло Загребель-ный написал восемь крупных произведений, и все они без исклю-чения оказались в ак-тиве украинской прозы. Более то-го, все они, и также без исключе-ния, привлекли внимание всео-бязного читателя и критики.

Хронологически все складыва-лось так: трилогия на историче-скую тему («Диво», «Смерть в Киеве», «Первост») была напи-сана в течение 1967—1971 годов, а производственный цикл («С то-чки зрения вечности», «Перехо-дим к любви», «Намыленная тра-ва») — почти в то же самое вре-мя, с 1968 по 1973 год.

Казалось бы, между события-ми двух трилогий залегла зияю-щая пропасть эпох, формаций, уровней культуры; исторические романы — эти своеобразные «по-вести временных лет» — отобра-жают Киевскую, даже докиев-скую Русь, а производственные романы — животрепещущая соз-

ременность, «повести наших дней».

Что же их объединяет?

Роднит их многое, они едино-кровны по содержанию, по мысли и суждениям писателя о соци-альных, нравственных, историче-ских ценностях.

Немало общего и в художест-венной структуре романов — в их монументализме, обильной ин-формации, в характере авторских сентенций; един и стиль изложе-ния, с его развернутой, динами-чной, «мускулистой» фразой.

Павло Загребельный в специ-альном комментарии характери-зует свою «серию» о Киевской Руси: «Каждая из книг,—пишет он,— имеет свою, так сказать, определяющую идею, хотя все они в ряде пунктов скрещивают-ся. «Диво» — это повествование о художественном творении нашей древности, о его судьбе и месте в нашей духовной истории. «Смерть в Киеве» посвящена борьбе Юрия Долгорукого за объединение всех русских зе-